

**В.Н. ДЕМИН, доктор философских наук,
член Союза писателей России**

МЫ – ДЕТИ КОСМОСА

Слова, избранные в качестве заголовка, взяты (с добавлением тире) из одного из самых возвышенных космических стихотворений Александра Леонидовича Чижевского (1897–1964), написанного им еще до революции, в восемнадцатилетнем возрасте. Посвящено оно великому античному врачу Гиппократу (460–377 до н.э.), но обращено не столько к прошлому, сколько к будущему: в его двенадцати стихотворных строфах сформулировано космическое кредо русского мыслителя-космиста и основателя гелиобиологии, от которого он не отступал всю свою жизнь. Вот концовка этого замечательного образца философской лирики:

*Мы дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитными в одном,
Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...
И жизнь — повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества — от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая.*

Жизнь и материя – одно.

В общемировой традиции вывод о космической сущности человека о его взаимодействии с биосферой и ноосферой долгое время формировался и вызревал в русле представлений о неразрывном единстве Макро- и Микрокосма — Вселенной и Человека. Мыслители всех времен и народов пытались не только теоретически постичь великое единство двух космосов, но и представить их наглядно-образно. Хрестоматийным в данном плане является знаменитый рисунок Леонардо да Винчи, где как бы раздваивающееся тело человека вписано одновременно в круг и квадрат. Круг – вообще почти что идеальный символ для изображения бесконечности и вечности. Это понимали и древние китайцы для изображения единства бесконечных и вечных космических начал Инь и Ян (Мужского и Женского) малые круги, причудливо вплетенные в общий космический круг. Спустя тысячелетия великий русский художник и мыслитель мирового уровня Николай Константинович Рерих (1874–1947) изобразительно соединил символику Востока и Запада в созданном им Знамени мира, где с помощью идеальных геометрических форм воссоздан неразрывность бесконечного и вечного: в большом красном круге, олицетворяющем *вечность*, заключены три малых красных кружка, соответствующие *прошлому, настоящему и будущему*.

Русские философы-космисты еще в XIX и начале XX века подготовили необходимую методологическую и философскую основу учения о биосфере и ноосфере, в окончательной терминологической форме сложившегося уже в последующие годы и десятилетия. С их точки зрения, в диалектическом взаимодействии Макро- и Микрокосма примат принадлежит последнему. Так, крупнейший отечественный мыслитель Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944) вслед за другими представителями русской философии на передний план выдвигал человека во всех проявлениях его жизнедеятельности, включая речь, слово, имя. По Булгакову, словотворчество есть чисто космический (ноосферный) процесс, ибо слова по природе и сущности своей содержат в себе

энергию Мира: реальное светило — Солнце составляет истинную душу слова “солнце”, в прямом смысле присутствуя в нем своей идеальной энергией. «Когда человек говорит, то слово принадлежит ему как Микрокосму и как человеку, интегральной части этого мира. Через Микрокосм говорит Космос...»*

На нынешнем этапе развития науки на традиционно-извечные вопросы “Что такое жизнь?” и “Что такое мысль?” невозможно в полной мере без учета выводов русского космизма о Живой Вселенной, конкретизирующей объективную диалектику Макро- и Микрокосма. «Жизнь – явление космическое, естественный этап самоорганизации материи»**, — писал виднейший российский ученый, академик Никита Николаевич Моисеев (1917—2000). Однако жизнь — далеко не способ существования одних только белковых тел и нуклеиновых кислот, взятых самих по себе в отрыве от взаимосвязанных с ними остальных уровней движения материи. (К тому же и те и другие являются всего лишь промежуточными материальными структурами между вещественными телами и субатомным миром элементарных частиц, полей и вакуума, без которых они попросту не возможны).

Жизнь — это способ существования всех материальных структур в иерархии живого тела — от вакуумной флуктуации до нервного волокна и сердечной мышцы. Если спроецировать идею Циолковского о живом атоме на современные представления о структуре материи, то выходит: все образующие живую клетку молекулы, атомы, элементарные частицы и поля также по-своему живы. На какой уровень ни спустись — повсюду обнаруживается жизнеорганизованная материя со своими особенностями и возможностью трансформации. Общепринятая точка зрения, согласно которой все находящееся ниже белкового уровня и нуклеиновых кислот не может считаться живым, — нуждается в уточнении. Живое организовано не по одной лишь горизонтали, но и по вертикали, причем — до самого “дна”, а элементы, образующие живое вещество, могут считаться живыми лишь в составе самой живой системы. И обусловлена подобная иерархия живого глубинными закономерностями Большого и Малого Космоса в их целостности и диалектическом единстве.

Современная наука не дает однозначного и окончательного ответа о структуре материи вглубь, а значит, — и о конкретных схемах взаимодействия Макро- и Микрокосма. Есть лишь некоторые перспективные подходы, позволяющие в общих чертах представить не столько действительную многоуровневую структуру Вселенной, сколько невероятную сложность ее всеобъемлющего постижения. Традиционные объекты естественнонаучного исследования — вещество и поле, плазма и физический вакуум — не покрывают всего богатства природной и неприродной реальности. Господствующие воззрения не позволяют до конца (а то и полностью) объяснить даже такие хорошо знакомые природные и социальные феномены, как свет, тьма, огонь, мысль, сон, слово, знак (символ), смысл и др. Попытки их объяснения с точки зрения какой-либо одной науки, неизбежно дают искаженную, неполную и одностороннюю картину. Необходим интегративный подход, сконцентрированный в космистских философских принципах, носящих нередко совершенно непривычный характер.

Снаружи то же, что и внутри.

Антропоцентристские представления об окружающей человека среде как внешней и только внешней, — типичная абсолютизация одной из сторон отношения, объективно существующего во Вселенной. С космической

* Булгаков С.Н. Философия имени. Париж, 1953. С. 25.

** Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 30

(онтологической) и космистской (гносеологической) точек зрения, человек и любой другой организм или объект, будучи окружен со всех сторон так называемой внешней средой, находится *внутри* нее и образует с ней типичное *внутреннее* отношение. Всякое тело — живое и неживое — есть совокупность составляющих его элементов. Проникновение в глубь данных объективных структур вовсе не представляет спуска в какую-то неясную бездну. Если представить какое угодно тело в рамках разрешающей силы электронного микроскопа, то оно предстанет как простой набор молекул или атомов. Они-то, собственно, и будут выступать внешней границей данного тела, вплотную соприкасаясь с аналогичными молекулами и атомами так называемой внешней среды. Хотя те и другие по-разному организованы, никакой особой пространственной границы между ними не существует.

За последней молекулой (атомом) эпителия кожи или роговицы глаза следует находящаяся с ней в непосредственном контакте молекула (атом) внешней среды — воздуха, воды, земли и т.п. В данной конкретной ситуации внешнее и внутреннее более чем относительно и могут быть зафиксированы лишь в рамках той или иной системы, выделенной не субъективно (скажем, при теоретической классификации), а естественным путем, то есть самой природой, образующей реальные системы живой и неживой материи.

На низшем уровне организованной материи особенно показательно органическое взаимодействие живого и неживого, одухотворенного и косного. Скажем, выражение: «Самурайский меч — душа война» далеко не так уж и метафорично, как может показаться на первый взгляд. С ноосферной точки зрения кванты энергополя самурая объективно взаимодействуют с элементарными частицами (и их полями), составляющими железное или стальное лезвие холодного оружия (тем более что последнее является естественным активизатором направленной энергии). Сказанное относится к любому рыцарскому мечу, казацкой сабле, мушкетерской шпаге, кавалерийскому палашу, морскому офицерскому кортику и даже обыкновенному солдатскому штыку. Все они как бы сливаются с душой владельца, а тот одаривает их своей искренней и преданной любовью.

Итак, во всех сферах материальной и духовной жизни все зависит от человека, от Микрокосма, его конкретных потенциалов, заложенных Природой и в конечном счете — Космосом. Страсти, потребности, интересы — вот что движет людьми, а энергия этих движущих сил — пассионарная или антипассионарная — имеет вселенское происхождение. Весь бесконечный Космос замыкается на человека, как средоточие Вселенной, пронизывая его неисчерпаемой и по большей части нерасшифрованной информацией, накопленной за безграничное время существования объективного мира. И у человека имеется множество каналов, в том числе и пока не востребуемых, для считывания такой информации. Микрокосм существует для того, чтобы в нем пробуждался Макрокосм. Макрокосм существует для того, чтобы реализовываться в Микрокосме. Они нерасторжимы, и это единство — вечно.

Биотизация Космоса.

Одушевление Космоса и всей косной материи — тенденция, восходящая к самым истокам научного и философского мировоззрения. Для нее был даже найден мудреный термин — *гилозоизм* (от греч. *hyle* — «вещество» + *zoe* — «жизнь»). Среди тех, кто разделял такой взгляд на сущность мироздания были и безымянные древнеиндийские мудрецы и родоначальники древнегреческой философии — Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит, Эмпедокл, стоики, отчасти Аристотель. В новую эпоху гилозоистические идеи развивали такие выдающиеся мыслители, как Джордано Бруно, Бенедикт Спиноза, Дени Дидро и

другие. Не чуждались гилозоизма и естествоиспытатели. Уже в наше время Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) призывал «к признанию реального значения для современников гилозоистических и пантеистических представлений, которых нет на современной нам стадии науки в окружающем нас научно построенном Космосе»^{*}. По существу и любимый термин самого Вернадского — словосочетание «живое вещество» — представляет собой калькированный (хотя и с измененным порядком) перевод лексем, образующих понятие «гилозоизм».

Еще Николай Иванович Пирогов (1810—1881) — гениальный русский хирург и ученый, который был также и оригинальным мыслителем, неудовлетворенный материализмом своего времени из-за его механицизма и позитивистской ограниченности, попытался самостоятельно сформулировать свое видение мира как единого, живого, постоянно обновляющегося организма. Исходя из понимания вещества как вечного и бесконечно делимого начала, Пирогов допускал его образование из скопления силы. Данный исходный тезис выводил хирурга-мыслителя на учение о «мировой жизни» и живом Космосе: «Я представляю себе <...> беспредельный, непрерывно зыблущийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себе всю вселенную, проникающий все ее атомы, непрерывно группирующий их, снова разлагающий их сочетания и агрегаты и приспособляющий их к различным целям бытия».

Как бы предвосхищая будущую теорию ноосферы, Пирогов от биоцентристской концепции «мировой жизни» естественно переходит к выводу о реальности «мирового сознания», которое есть проявление высшего, мирового жизненного начала. Невозможно думать, что во всей Вселенной наш мозг является единственным органом мышления, что все в мире, кроме нашей мысли, безумно. Пирогову кажется правдоподобным предположение, что наше «я» привносится извне как проявление мировой мысли. И сам мозг, и мыслительные процессы, проистекающие в нем, — не результат комбинаций атомов и не продукт химических и гистологических элементов, а проявление вселенского разума. Открытие собственным своим мозговым мышлением мышления мирового естественным образом объясняет, почему человеческий ум не может остановиться на атомах ощущающих, сознающих себя посредством себя, без участия другого, высшего сознания и мысли. Для человека неоспоримо то, что высшая мировая мысль, избравшая своим органом Вселенную, проникая и группируя атомы в известную форму, сделала мозг органом мышления^{**}.

Еще одним предтечей биотизации Космоса, предвосхищавшим теорию биосферы в ее энергетическом аспекте, был физик Николай Алексеевич Умов (1846—1915), который еще в начале 70-х годов прошлого столетия, задолго до первых публикаций по теории относительности выдвинул идею о взаимодействии энергии и массы. Андрей Белый, студентом прослушавший курс лекций профессора Умова в Московском университете да и ранее знакомого с ним как с другом семьи, оставил незабываемые воспоминания, где с цепкой пронизательностью поэта уловил главные черты характера ученого-космиста. Даже в буднях быта Умов точно выступал «в созерцании физических космосов», его речь была блистательной и образной, а лекции по физике походили на драмы-мистерии, из которых студенты навсегда запоминали афоризмы, вроде: «Мы — сыны светозарного эфира» или «Бьют часы Вселенной первым часом».

Сам Умов так сформулировал свое кредо-исповедание естествоиспытателя-космиста: 1. Утверждать власть человека над энергией,

^{*} Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987. С. 317.

^{**} См.: Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача // Сочинения. Т. 2. Киев, 1910. С. 15 и последующие.

временем и пространством; 2. Ограничить источники человеческих страданий; 3. Демократизировать способы служения людям и содействовать этическому прогрессу; 4. Познавать архитектуру мира и находить в этом познании устои творческому предвидению. Вселенная, по Умову, «всегда рациональна», то есть доступна познанию. «Во вселенной дано все: для нее нет прошлого и будущего, она — вечное настоящее; ей нет пределов ни в пространстве, ни во времени». Ученый-энциклопедист постоянно подчеркивал: то, что нам известна в «жизни необъятного колосса, именуемого Космосом», лишь незначительная часть его неисчерпаемых закономерностей. Все открытия в области естествознания, включая космологию, все еще впереди. Наибольшей отдачи в процессе дальнейшего познания природы он ожидал от «царства лучистой энергии».

Хотя организованная материя занимает лишь незначительную часть Вселенной, жизнь человека не есть нечто обособленное от ее целостности: как одно из звеньев мировой жизни человек неразрывно связан с историей и законами Универсума. Активная же роль человека как Микрокосма по отношению к Макрокосму выражается в том, что *Homo sapiens* «стремится увеличить число событий, благоприятствующих его существованию, — повысить, говоря математически, то число, которое изображает его вероятность, и отсюда вытекает прирожденная борьба с неорганизованной природой — борьба, в которой человеческая раса солидарна со всем органическим миром». Умов вообще старается рассматривать глобальные вопросы с точки зрения Вселенной, вписывая в общую космическую картину ту или иную физическую или биологическую проблему.

Показательным примером может служить работа «Физико-механическая модель живой материи», где русский физик анализирует с точки зрения естественно-вселенских законов общность между законами органической и неорганической материи. Его беспрестанно ищущий пылливый ум постоянно устремлен в бесконечные глубины Космоса, используя малейшую возможность, чтобы заразить космическим мироощущением читателя или слушателя: «Многие ли из обладателей миллиардов глаз, устремлявшихся в течение тысячелетий в пространство вселенной, ощущали фантастическое желание познать его свойство и то, что его наполняет? Их было очень немного, но эти мечтатели настойчиво хотели получить в свои руки космическую материю, разделяющую планеты и звезды, не допускающую до нас ни одного звука с отдаленных миров, делающую бесшумными, безмолвными невероятно быстрые движения катящихся и несущихся светил»^{*}.

Весь пафос научного творчества и исканий Умова были обращены не к прошлому, а к настоящему и будущему. В последнем из произнесенных и опубликованных докладов «Эволюция физических наук и ее идейное значение» русский физик сформулировал своего рода квинтэссенцию космического видения и понимания естествознания XX века: «В необъятной вселенной, вмещающей в себя все случайности, могут образовываться электрические индивиды, эти зародыши и семена материи, быть может, на перекрестке лучей. Одни из этих семян путем излучения растут; другие, или поглощают энергию, или процессом, сходным с катализом, станут родоначальниками миров. Итак, лучистая энергия рассеивает и создает материю; ее великая роль во вселенной — поддерживать круговорот материи».

И далее, размышляя о том, как безмолвно работают в глубинах мира и пространствах неба невидимые «ткачи материи и жизни», — Умов приходит к выводу, предвосхищающему идеи Вернадского о ноосфере - о необходимости

^{*} Умов Н.А. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1916. С. 223.

включить в научную картину мира *познающий разум*. Тем самым вновь смыкаются Макрокосм и Микрокосм.

В дальнейшем К.Э. Циолковский (1857–1935) развил и углубил основные направления в изучении проблемы *Живого Космоса*. Всюду, где только можно, великий мыслитель проводил идею жизнестойкости Мироздания: «...Вселенная в математическом смысле вся целиком живая, а в обычном смысле ничем не отличается от животного»**. Считая, что первичные элементы материи (не обязательно атомы) не исчезают бесследно, а переходят из одной формы в другую, Циолковский предполагал: став строительным материалом живой ткани или нервных клеток, атомы (элементы) сами становятся живыми и мыслящими. Всякий атом чувствует себя сообразно окружающей обстановке. Попадая в высокоорганизованные существа, он живет их жизнью; попадая в мир неорганический, он как бы спит. Даже в одном животном — он, блуждая по телу, живет то жизнью мозга, то жизнью кости, волоса, ногтя, эпителия и т.п. Циолковский называл атом «гражданином Вселенной» или «бессмертным гражданином Космоса». Идеи Циолковского, включенные им во многие теоретические работы, и по сей день во многом остаются невостребованными, сохраняя свою актуальность.

Кредо Циолковского: «Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материй. Все живо, но условно мы считаем живым только то, что достаточно сильно чувствует. Так как всякая материя всегда, при благоприятных условиях, может перейти в органическое состояние, то мы можем условно сказать, что неорганическая материя в зачатке, (потенциально) жива»*.

Живое вещество.

Наиболее всестороннее обоснование концепции Живой Вселенной содержится в трудах В.И. Вернадского, где оно дается с точки зрения различных естественных наук — биологии, химии, физики, геологии, астрономии, а также новых, «стыковых» — геохимии, биохимии и др. Совокупность естественных наук раскрывают, по Вернадскому, неизвестное ранее существование живого вещества, участвующего в круговороте всех химических элементов. Тем самым на научную почву ставится вопрос о его космичности (вселенскости). В данной связи вводятся и расшифровываются такие понятия-термины, как «всюдность жизни», «сгущение Жизни», «давление жизни». Под воздействием энергии живого вещества формируется биосфера — планетарная область распространения жизни, взятой в прошлом, настоящем и будущем. Жизнь, по Вернадскому, проявляется в непрерывно идущих, в происходящих в планетарном масштабе закономерных миграциях атомов из биосферы в живое вещество и обратно. Живое вещество есть совокупность живущих в биосфере организмов — живых естественных тел — и изучается в планетном масштабе. Миграция химических элементов, которая отвечает живому веществу биосферы, является огромным планетным процессом, вызываемым в основном космической энергией Солнца, строящим и определяющим геохимию атмосферы и закономерность всех происходящих на ней физико-химических и геологических явлений, определяющих саму организованность этой земной оболочки.

Биосфера — явление космического характера, она служит той целокупной земной оболочкой, в которую непрерывно проникают космическая энергия, космические излучения и лучеиспускание Солнца, поддерживающие динамическое равновесие между биосферой и живым веществом. Под влиянием

** Циолковский К.Э. Космос есть животное // Человек. 1991. № 6. С. 79.

* Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. Тула, 1986. С. 279.

научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — ноосферу (сферу разума). При этом перестройка биосферы научной мыслью через организованный человеческий труд не есть случайное явление, а естественный природный процесс. Его закономерности еще предстоит установить в будущем, однако в общем плане не подлежит сомнению, что само научное творчество является реальной энергетической силой. Вернадский называл научную мысль планетным явлением, оказывающим прямое влияние на ход исторического процесса и на идеологические доминанты, а научную работу считал геологическим фактором, обуславливающим развитие биосферы. Научная мысль как планетное явление оказывает прямое влияние и на ход исторических процессов, и на уровень экономического развития, и на идеологические доминанты.

Четко и недвусмысленно Вернадский ставит научный вопрос о жизни в Космосе: является ли жизнь только земным феноменом или свойственным только планетам, или же она в какой-то форме отражает явления космических просторов, столь же глубокие и вечные, какими для нас являются атомы, энергия и материя, геометрически выявившие пространство-время. Во всестороннем философском осмыслении фундаментальных проблем бытия в наибольшей степени проявляется космическое видение мира во всех его ипостасях.

Космос, словно путеводная звезда (точнее — бесчисленное множество звезд), направляет все философские и естественнонаучные изыскания Вернадского. Главная книга всей его жизни «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» начинается с экскурса в обозримую Вселенную, очерка ее эволюции, анализа основных астрономических и космологических проблем вплоть до разгадки «пустого» мирового пространства, вакуума — этой «лаборатории грандиознейших материально-энергетических процессов». Но Вернадский прекрасно осознавал, что ключ к пониманию глубинных закономерностей Космоса лежит в правильном решении и понимании сути фундаментальных общенаучных понятий пространства и времени, неотделимых друг от друга. «Для тела живого организма отделить время от пространства невозможно», — провозглашал русский космист, распространяя данное утверждение на всю природу.

Вернадский много размышлял над смыслом временных процессов и, прежде всего, связанных с живым веществом, эволюцией биосферы. Опираясь на понятие «жизненное время», он выдвинул ряд чрезвычайно продуктивных и перспективных идей, которые еще не нашли пока достойного места в системе теоретического осмысления действительности. Решая «великую загадку вчера-сегодня-завтра» как *целостного* всеобъемлющего и всепронизывающего явления, Вернадский совершенно закономерно увязывал ее с решением другой, не менее важной загадки «пространства, охваченного жизнью». Сквозь призму такого целокупного видения единого субстрата Мира время вообще определяется как *динамическое текучее пространство* — и в этом есть безусловная правота. Философские мысли натуралиста подтверждают, как он сам же и выражался, непреодолимую мощь свободной научной мысли и творческой силы человеческой личности, величайшего нам известного проявления ее космической силы, царство которой впереди. В конечном счете все эти вопросы замыкаются на общенаучную проблему Живого Космоса, а ее оптимальное решение тесно увязано с гносеологическим оптимизмом русских космистов и с ими же обоснованной *космической этикой*, органически связывающей биосферу и ноосферу.

Космическая этика

Начало такому космо-этическому подходу к познанию действительного мира положил крупнейший русский ботаник, дед Александра Блока по материнской линии, Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902), написавший уникальное философское эссе «Нравственность и естествознание». В центральной части трактата, озаглавленной «Космический принцип христианской нравственности», предпринята небезуспешная попытка определить некоторые фундаментальные закономерности, общие для природы и для общества, включая и моральные устои. Тем самым были предвосхищены многие идеи, сформулированные впоследствии в Космической этике Циолковского.

Бекетов обосновывает космическую обусловленность нравственного поведения людей, исходя из самых общих закономерностей, заложенных в фундаменте природы, в дальнейшем они по-своему преломляются в процессе биотической и социальной эволюции. Подобно тому, как тяготение, свет, теплота и другие виды физического движения носят всеобщий характер, а Вселенная «во всей своей беспредельности» управляется одними и теми же законами, точно так же и психическая жизнь человека, а, следовательно, и его нравственность уходят своими корнями в «общие законы всего Космоса». Однако Космос сам по себе, в отрыве от Человека не дает в руки нити, позволяющей проникнуть в сокровенные тайны Мироздания. Вот почему начинать надо Человека, с побудительных сил его моральных и аморальных поступков.

Бекетов отталкивается от известного «золотого правила» нравственности, гласящего: «поступай со всеми так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой». По мнению русского ученого, в этом случае поступки человека ведут к полному уравниванию его наслаждений с наслаждениями ближнего и естественным путем приводят к установлению принципа *справедливости*. Тем самым выявляется первое и главное звено в цепи, благодаря которому можно вытянуть всю цепь и увидеть остальные звенья: «Справедливость есть равенство в приложении к жизни всех и каждого. Равенство (=) — вот кратчайший символ, выражающий и высший принцип высшей человеческой нравственности. Но математическое равенство мыслимо только в отвлечении; в природе же, во Вселенной оно выражается равновесием, и именно подвижным равновесием. <...> На равновесии зиждется Вселенная, весь необъятный Космос; в нем заключается самое общее проявление мировой силы, заправляющей как необозримыми звездными системами, так и малейшим атомом на земле»*. В конечном счете выходит: моральные принципы представляют собой космический (в современном прочтении — ноосферный) императив.

Примерно в то же время и тот же круг вопросов осмысливал Николай Федорович Федоров (1829—1903) — вдохновитель многих важнейших идей Циолковского. «Ненавистную разделенность мира» и слепую силу Вселенной может преодолеть только коллективный разум, братское единение всех людей и, в особенности, — ученых. В реальной жизни ничего похожего нет и в помине: в науке царят те же волчьи законы, что и в обществе, кругом — разлад, зависть и нежелание понять друг друга. Поэтому первым шагом в осуществлении грандиозной задачи покорения Космоса должно стать преодоление существующей розни, соединение всех под эгидой Общего дела и на основе принципов космической этики: «Нужно человека сделать обладателем всей Вселенной, нужно, чтобы слепая сила была управляема разумом»**.

* Бекетов А.Н. Нравственность и естествознание // Вопросы философии и психологии. 1891. С. 39, 42.

** Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1995. С. 143.

Страстный манифест, призванный, по Федорову, повлиять на сознательность людей звучит так: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратственного, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученым к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим». Естественно, подобная интеллектуальная утопия не могла быть реализована ни в прошлом, ни в настоящем. Основные этические характеристики науки — небратская, неродственная, немирная — в значительной степени отражают естественное состояние общества — «война всех против всех». Распадение мысли и дела — самое великое бедствие, несравненно большее, чем распадение на богатых и бедных. И все же иного пути нет. Преодолеть интеллектуальный хаос можно лишь при помощи силы разума, науки, воспитания. Федоров — автор оригинальной концепции обучения и воспитания — считал главной задачей просвещения формирование планетарного и космического чувства сопричастности ко всем явлениям мироздания с целью подготовки к «космической жизни». С этим же был связан и глубокий патриотизм Федорова, призванный *поддерживать общение каждого с родиной и приготавливать к изучению ее, как части Вселенной*.

Наукой, способной объединить все знания и ученых, по Федорову является астрономия, поскольку именно она охватывает «совокупность всех миров, составляющих Вселенную». Под астрономией Федоров понимал «науку мироздания», то есть это — гораздо большее чем наблюдательная астрономия и даже современная космология. Наука мироздания, если исходить из сути дела и смысла философии общего дела, — это синтез естествознания и человекознания, задачей которого является превращение человека из *зрителя* миров безмерного пространства в их *правителя*.

Учение Федорова в концептуально-философском плане предвосхитило многие последующие ноосферные идеи и в частности — самый грандиозный проект «всеобщего воскрешения». Если не отрываться от научной почвы, то предположение о возможности воскрешения родителей своими детьми представляется вполне реальным. Но только в одном случае — путем «вхождения» в ноосферу, где в «свернутом» виде содержится информация (в том числе и генетическая) обо всех и обо всём. В целом же Федоров трактовал понятие «восстание [с одним “с” — на таком написании настаивал Федоров. — В.Д.] — Воскресение — вознесение» многопланово, но прежде всего как вознесение человека в Космос. Причем процесс этот начинается не с конечной точки отсчета — не со смерти, а с самого момента его рождения и идет как бы навстречу процессам угасания, происходящим в Космосе. Истинная же и конечная цель восстания-воскрешения — не только обретение индивидуального бессмертия (что само по себе является одной из важнейших био-ноосферных проблем), но и оживление, одухотворение самого Космоса, противодействие его затуханию и разложению, оплодотворение его бессмертием с помощью семени жизни. По существу Микрокосм — жизненная и оживляющая потенция Макрокосма, без которой он неизбежно умрет. Но этого никогда не произойдет, так как Макрокосм не существует изолированно, без своей жизнеобеспечивающей ипостаси — Микрокосма.

В освоении Космоса Федоров одним из первых увидел глубокий гуманистический смысл. По мнению московского Сократа (как прозвали его современники), переключение внимания и усилий на выход в межзвездное пространство избавит человечество от постоянных конфликтов, излечит людей от вредных пристрастий. Центральный принцип федоровского космизма — единство космологии и антропологии: Человек должен стать хозяином Космоса, он призван не просто управлять всей безграничной Вселенной, но и спасти ее через одухотворение «всех громадных небесных миров» и всемирной силы

тяготения. Идея оразумления Космоса путем частичного подчинения его человеческому интеллекту и воле в конечном счете может служить опорой гуманистической космоэтики. Логическое завершение данная линия в развитии философии русского космизма получила в этике Циолковского, который возвел разумный эгоизм в космический принцип, распространяя его даже на отдельные атомы и в лучших традициях эвдемонизма (от греч. *eudaimonia* — «счастье», «блаженство») сводя к стремлению всего живого к счастью.

Любовь, что движет Солнце и светила

Приведенные слова Данте Алигьери (1265—1321), коими он гениально завершает «Божественную комедию», давно стали крылатым афоризмом. Дантово видение Ада, Чистилища и Рая, судя по всему, — вообще не есть плод одного лишь поэтического воображения, но, несомненно, также еще результат подключения к биосферной и ноосферной реальности, а также прямого считывания сакральной информации и перевода ее на язык художественных образов. В своей бессмертной поэтической эпопее, равной которой до него не знала мировая литература, Данте в чеканных терцинах поведал о своем понимании космической (биосферной и ноосферной) сущности любви. В 1-й песни «Рая» поэт сформулировал Всемирный закон любви, собственно, и обращающий Вселенную в Рай. По Данте, это — божественный гармоничный строй, который, как космическая симфония, пронизывает каждую монаду Вселенной, определяя судьбы людей и соединяя сердца влюбленных. Заключенный в Дантовой поэме глубочайший философский смысл — вовсе не гипербола. Во все времена и во всех концах земли в любви, эротическом влечении и сексуальной страсти видели прежде всего непреодолимую космическую силу, против которой бессильны даже Рок и Судьба.

Любовь – великая и неискоренимая сила, разлитая по всей Вселенной и составляющая неотъемлемую часть энергии Космоса. О бездонном источнике, рождающем энергию любви, знают все, но мало кто может описать в конкретных и точных научных понятиях. В отечественной литературе, опираясь на древнюю славянскую мифологию, трепетный образ космизированной любви создал великий русский драматург Александр Николаевич Островский (1823—1886) в опозитизированной фольклорной Снегурочке. Когда с помощью природного Женского Начала в лице матери Весны в ледяном сердце бесстрастной девушки просыпается чувство любви, она не только тает под жизненесущими Ярилиными лучами, но и по существу растворяется в солнечном потоке космической любви.

Взгляд на Космос сквозь призму жизнезначимых человеческих страстей неизбежно одушевляет его, а идея самой жизни, спроецированная на Космос, сексуализирует его — так считает крупнейший культуролог XX века Мирча Элиаде (1907—1986). Плотская человеческая любовь — это всегда сексуально-чувственное (то есть биосферное) явление, но одновременно также оно имеет, как правило, рационально-нравственную (то есть ноосферную) подоплеку. «Жизнь всегда соседствует с любовью» — как обычно говорят в таких случаях. Нам мало что известно о глубинных механизмах индивидуальной любви на биосферном уровне. Не подлежит, однако, сомнению, что выбор партнера, сексуальное предпочтение, пробуждение страсти (или отсутствие таковой) носят далеко не случайный характер. Сексуальное поведение самцов и самок у животных, мужчин и женщин у людей обусловлены в том числе энергоинформационными и космопланетарными закономерностями.

Изначально-неуничтожимая сексуальная энергия, разлитая во Вселенной, отдельными порциями черпается индивидами, превращаясь в то неодолимое, объективно-бессознательное влечение, для которого уже в наше время Зигмунд

Фрейд (1856–1939) название *либидо*. Однако индивидуальная любовь приходит и уходит, а Эрос продолжает царствовать – он вечен, он неуничтожим. Согласно греческой мифологии, Эрос первичен по отношению ко всему живому и неживому. Он появился во Вселенной задолго до небожителей и людей. Теория Космического Эроса — животворящего и всепронизывающего начала — была систематизирована и категориально оформлена в философии Платона. Согласно Платону, Эрос как вселенское первоначало обуславливает и творческие потенции людей, реализуется не только в любовных и сексуальных, но и в творческих актах. И доминирует здесь женское начало, то, которое в тантризме получило наименование *шакти* (женская сексуальная энергия — по имени супруги Шивы Шакти). Концепция *шакти* — Женского Начала Мироздания — одна из самых архаичных в мировой культуре. Ее истоки, без сомнения, восходят к эпохе матриархата. Однако до нынешних времен дошли либо осколки древнего мировоззрения в виде неуничтожимых мифологем и образов-символов, либо же, напротив, позднейшие наслоения в виде философских или религиозных текстов, а также в форме эзотерическо-сексуальной практике *тантризма*.

Космически запрограммированная женская сексуальная потенция — *шакти*, согласно древнейшему доиндоевропейскому мировоззрению, содержится в каждом атоме Вселенной, в каждой точке пространства и времени, в каждой человеческой клетке. Даже в мужской, ибо по тантрическому учению внутри каждого мужчины «сидит» женщина — в виде внутренней *женской* энергии. Она располагается вдоль позвоночного столба, поднимаясь от половых органов к голове — и выше, обеспечивая при этом не только мужскую сексуальность, но также мужскую силу и жизнеспособность в целом. Эта женская потенция, содержащаяся внутри всего живого и питающаяся космической энергией Мироздания, в основе которого также заложено Женское Начало, — получило название *Кундалини*, что означает «змеиная сила». Соответственно и символом Кундалини является свернутая спиралеобразно змея с головами на обоих концах.

По тантрической традиции, Кундалини как «внутренняя женщина» может действовать положительно или отрицательно, творчески или разрушительно. Соответственно направляется и энергия людей. Лишь в любовном экстазе достигается полная гармония: постепенно разгораясь, как огонь в очаге, пламя любви охватывает и зажигает влюбленных, черпая энергию и непрерывно подпитываясь ей непосредственно из Космоса. Искусство и культура любви во многом зависит от того, насколько любовные партнеры умеют управлять Кундалини точнее — плыть в ее всеохватывающем потоке. Как говорят тантристы: «Нет ничего ни в этом мире, ни в следующем, что лежало бы вне власти Кундалини».

Биосферный аспект космосексуальной проблематики явственно обнаруживается в разработке так называемой *пренатальной* (предродовой) темы. Еще в середине XX века американский ученый Нандор Фодор в работах «Травма рождения» и «Поиски возлюбленного» доказал, что в подсознании взрослых людей хранится глубинная память об их внутриутробном и зародышевом существовании, а также о появлении на свет и участии в самом акте родов, являющихся нестерпимо болезненными не только для матери-роженицы, но и для новорожденного младенца. В самом же последующем и бессознательном припоминании взрослого человека биосферные и ноосферные моменты уже как бы сливаются воедино. Но не только подсознание сохраняет память о появлении на свет: у меня есть хороший знакомый, который помнит об акт своего рождения — не во всех подробностях, конечно, зато в наиболее существенных деталях.

Известный специалист по индоевропейской мифологии Ф.Б.Я. Кёйпер пошел еще дальше. Опираясь на исследования голландских психотерапевтов, он высказал предположение, что в глубинах человеческой памяти таится

воспоминание и об акте зачатия, то есть о слиянии мужского сперматозоида с женской яйцеклеткой, а также о пребывании как в раздельном (гаметном), так и слитном (зиготном) состоянии*. Более того, именно данное воспоминание как архетип коллективного бессознательного породило, в конечном счете, мифологему *космического яйца* — первоисточника Мироздания, богов и людей.

Космическая сущность любви

В последующие века философия постоянно возвращалась к этой центральной проблеме жизни и человеческого бытия. Существенный вклад в осмысление биосферных и ноосферных аспектов внесли русские мыслители. В наиболее концентрированной форме дилемма «жизнь — разум» сформулирована в трудах Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900). Его основополагающий трактат называется просто и ёмко — «Смысл любви». Продолжая линию, идущую от древних, Соловьев возвел Любовь в ранг универсального вселенского Начала, не просто управляющего миром, но обуславливающего его как самый Мир. Без любви нет ни жизни, ни смысла существования, ни Бога, ни Человека. Обоснованию данного тезиса фактически посвящено всё творчество поэта и мыслителя.

Мирозерцание Соловьева с полным правом можно назвать Философией любви. (Так, кстати, и названа вступительная статья Арсения Гулыги к первому переизданию — после многих лет отлучения и забвения - трудов русского философа). О том же говорил и сам Соловьев — и в философской прозе, и в стихах:

*Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыкам их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

«Смысл любви» рубежное произведение Соловьева. Первоначально оно было напечатано в виде пяти статей в русском философском журнале, что позволило автору достаточно основательно изложить суть своего учения. В одной из энциклопедических статей он определял любовь как «влечение одушевленного существа к другому для соединения с ним и взаимного восполнения жизни». В знаменитом трактате он наполняет данную дефиницию конкретным содержанием.

Главный вопрос (теперь бы мы сказали: биосферно-ноосферного содержания), который волнует философа: сводится ли половая любовь исключительно к продолжению рода или же она нечто большее. Вывод однозначен: половая любовь ведет прежде всего к человеческой целостности, где любящие существа — мужчина и женщина — в акте соития образуют некое новое сверхсущество в соответствии с законами, предписанными высшими космическими законами: «Задача любви состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется такое сочетание двух данных органических существ, которое бы создало бы из них одну абсолютную идеальную личность. <...> В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет — он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность (и уже на этой основе развиваются все прочие различия). Но истинный человек в

* См.: Кёйпер Ф.Б.Я. Космология и зачатие // Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 128.

полноте своей индивидуальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих»^{*}.

Именно в такой абсолютной целостности и преодолевается **эгоизм**, от природы присущий всему живому и в особенности — человеку: «Эгоизм как реальное основное начало индивидуальной жизни всю ее проникает и направляет, все в ней конкретно определяет. <...> Смысл человеческой любви вообще есть **оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма**. <...> Эгоизм есть сила не только реальная, но основная, укоренившаяся в самом глубоком центре нашего бытия...»^{*}.

«Преодоление эгоизма» возможно только в сфере любви. Во имя нее — сознательно или бессознательно — и приносится в жертву эгоизм. Великий немецкий философ Людвиг Фейербах (1804–1872) показал почему это происходит: любовный акт и половое соитие по своей природе таковы, что удовлетворяя свои в общем-то всегда эгоистические половые потребности и достигая личного чувственного наслаждения одна сторона (безразлично какая — мужчина или женщина) одновременно и неизбежно доставляет точно такое же удовлетворение и наслаждение другой стороне. Соловьев также приходит к аналогичному выводу, но формулирует его в более абстрактной форме.

Философа больше волнуют совершенно другие проблемы. Например, насколько связан «пафос любви» с продолжением рода. Ответ: очень незначительно и несущественно. Совсем не редкость, когда продолжение рода, то есть деторождение происходит не только без какого бы то ни было «пафоса», но даже и без любви как таковой — просто, как естественное отправление потребности. Это, с одной стороны, с другой, - можно привести сотни, если не тысячи, примеров, когда любовь достигала высшего, прямо-таки нечеловеческого развития, не сопровождаясь при этом никакой половой близостью, а потому не завершаясь, естественно, и никаким продолжением рода. Любовь Данте к Беатриче и Петрарки к Лауре являются высочайшими образцами того, чего может достигнуть человек в возвышенной любовной страсти и «пафосе». Но хорошо известно также, что ни Данте, ни Петрарка не прикасались к объектам своего вождения даже кончиком мизинца.

Соловьев продолжил и в определенной мере завершил решение грандиозной философской задачи — дать всестороннее обоснование **космической сущности любви**, предвосхищая одновременно и будущую бионоосферную теорию. Человеку всего лишь кажется, что он является единственным источником любовной потенции, заложенной в его половых клетках и подкрепленной всей гаммой эмоций. В действительности же сексуальная энергия (то, что древние именовали Эросом) имеет вселенско-космическое происхождение. Говоря современным языком, она рассеяна в звездно-вакуумном и информационно-энергетическом мире, взаимодействуя в прямом смысле со всей Вселенной (Соловьев предпочитал подчеркивать ее божественную ипостась). Конкретные индивиды — мужчины и женщины — лишь временно аккумулируют и ретранслируют то, что в природе существует извечно. Получая порцию или заряд космической по своей природе сексуальной энергии, они реализуют ее в акте любовного соития, дабы дать продолжение роду и удовлетворить свои потребности носителей любви.

Опираясь на гётевскую формулу — **«Das Ewig-Weibliche» (Вечная женственность)**, — на все времена ставшую девизом многих направлений искусства и литературы, Владимир Соловьев незадолго до своей смерти создал программное стихотворение под таким названием, задав ориентир и для русской

^{*} Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1988. С. 513.

^{*} Там же. С. 504, 505.

поэзии. Интуитивное созерцание поэта открывало перед читателями и многочисленными последователями в философии и поэзии великое значение Женского Начала: в Мироздании и человеческих сердцах — повсюду царствует воистину Космическая Любовь. Она же — воплощение Истины, Добра и Красоты. Развивая мысль Достоевского "Красота спасет мир", Соловьев утверждал, что именно из Вечной красоты выйдет спасение мира. В поэзии на данной основе была разработана целая система нетленных образов — Дева Радужных Ворот, Подруга вечная, Лучезарная подруга и др., ставших опорными категориями русского символизма — особенно в поэзии Александра Блока и Андрея Белого.

* * *

Космистское миропонимание вооружает человека осознанием своей исторической миссии и ответственности на том отрезке общественного развития, с которым связана его собственная судьба, но от которого — в соответствии с личным вкладом каждого — зависит также и судьба последующих поколений. Он — носитель и хранитель материального и духовного богатства, выработанного предшественниками. Он — связующее звено между прошлым и будущим. Он, наконец, не просто представитель своего народа и своей эпохи. Он — планетарное и солярное существо (жизнь на Земле невозможна без Солнца), существо космическое, связанное множеством неразрывных и не до конца еще выявленных нитей со Вселенной. Вселенной, горизонт которой — бесконечность, а прошлое и будущее — вечность.

Опубликовано в журнале «Домашний лицей» за 2002 год, № 3.